

Михаэль Энде • Виланд Фройнда

Рыцарь Родриго и его оруженосец

Михаэль Энде

Рыцарь Родриго и его оруженосец

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84 (4Гем)-44

Энде М. А.

Рыцарь Родриго и его оруженосец / М. А. Энде — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-16863-3

Рыжеволосый Малыш, которому наскучила однообразная жизнь странствующего кукольного театра, отправляется на поиски рыцаря-разбойника Родриго Грубиана, чтобы стать его оруженосцем. Рыцарь намерен испытать Малыша и даёт ему особое задание. Малыш готов на всё и отправляется в путь. Наткнувшись в один прекрасный день на карету принцессы, он понимает, что это его шанс. И конечно же в достижении своей цели ему никак не избежать встречи с коварным чародеем и огнедышащим драконом...

УДК 821.112.2-312.9-93

ББК 84 (4Гем)-44

ISBN 978-5-389-16863-3

© Энде М. А., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Первая глава,	7
Вторая глава,	13
Третья глава,	19
Четвёртая глава,	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаэль Энде, Виланд Фройнд

Рыцарь Родриго и его оруженосец

© 2019 by Thienemann in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, Stuttgart

© Набатникова Т.А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
Machaon®

* * *

В последние годы перед кончиной Михаэль Энде начал писать книгу, которую он назвал «Рыцарь Родриго и его оруженосец». Три готовых главы он отпечатал набело. Но, к сожалению, не завершил работу. Спустя двадцать лет Виланд Фройнд дорассказал историю до конца.

Первая глава, в которой недостаёт главного героя – причём неожиданно

Среди мрачного Средневековья, в среду, да к тому же в середине ночи, по просёлочной дороге, по лужам и ухабам, тряско громыхала повозка в виде вагончика, влекомая тремя ослами. Бушевала гроза, гром и молнии чередовались с такой быстротой, что уже не разберёшь, какая молния относится к какому грому. Дождь лил как из ведра, и вихри, как водится, в дебрях бушевали.

Когда говорят «среди мрачного Средневековья», это означает время, когда ещё не изобрели электрический свет, то есть ещё до того, как ваши прародители были маленькими детьми. А это невообразимо давно. Тогда не было ни лампочек накаливания, ни автомобильных фар, ни даже карманных фонариков и, разумеется, никакого дорожного освещения. Легко можно представить, как вороно-угольно-смоляно-мрачно было среди ночи на той просёлочной дороге.

Случись на той дороге в этот час какой-нибудь заблудший путник и повстречай он тот вагончик, ему бы ещё издали сквозь молнии и гром был слышен перезвон колокольчиков, подвешенных на упряжь трёх ослов. И он увидел бы во вспышках молний, что вагончик сделан в виде домика на четырёх колёсах, все стенки которого расписаны весёлыми фигурками. На островерхой двускатной крыше торчала жестяная дымовая труба, по бокам были окошки с подвешенными снаружи ящиками герани, а на задней стороне была дверь, да ещё с козырьком. Над окнами с обеих сторон красовалась витиеватая надпись:

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР ПАПЫ ДИКА

Господин директор, кругленький мужчина, сидел на облучке, закутавшись в огромный дождевик. С его широкополой шляпы капала вода, голова покачивалась в такт громыхания колёс, а круглое румяное лицо казалось дружелюбным и миролюбивым, поскольку он спал

и спокойно похрапывал себе под нос. Громовые раскаты ему нисколько не мешали. Так же беззаботно цокали копытами его ослы. Они явно привыкли находить дорогу самостоятельно.

Внутренность вагончика едва освещалась масляной коптилкой, свисавшей с крыши на цепочке. В углу была печурка, на стене висели сковородки, кастрюли и мешалки. Рядом была обеденная ниша со столиком, скамейкой и двумя стульями – всё очень удобно и компактно. В другом углу размещалась двухъярусная кровать, внизу широкая двуспальная, а сверху, под самой крышей, с лесенкой, – полка поуже.

Всё остальное пространство заполняли куклы-марионетки, они болтались, свисая с потолка и с перекладин. Среди них были принцессы и короли, крестьяне и колдуньи, бюргеры и чародеи, были смерть и чёрт, шуты и лошади, драконы, турки и много-много рыцарей. На полу громоздились коробки и ящики, в которых хранились кулисы и мелкие вещи, нужные в кукольном представлении: щиты и сабельки, королевские скипетры, тарелки и деревья, кораблики и стульчики и мало ли чего ещё.

Куклы в мерцающем слабеньком свете казались живыми и покачивались, будто танцевали и болтали друг с другом.

На штанге занавески над обеденным столом сидел настоящий, очень яркий попугай, спрятав голову под крыло. Он спал. На широкой нижней койке лежала мама Дик под одеялом

в красную клетку и храпела не менее самозабвенно, чем её муж на облучке, хотя куда изящнее и мелодичней.

Верхнее узкое спальное место пустовало. А дверь в задней стенке вагончика болталась от ветра и постукивала, незапертая. Кто-то, уходя, явно забыл её закрыть как следует.

Внезапно последовал сильный толчок, как будто колёса повозки налетели на камень, и весь вагончик накренился и опрокинулся на бок. Всё с грохотом посыпалось, и мама Дик вывалилась из кровати. Только попугай, вцепившись когтями в штангу занавески, удержался, но висел теперь вниз головой.

– О ужас, сгинь! – проверещал он. – Что такое?

Мама Дик выбралась из-под кучи кукол и громко крикнула:

– Эй, папа Дик, что там стряслось?

Снаружи сквозь бурю слышался голос её мужа:

– Вилли, Долли и Улли, как видно, опять задремали на ходу и въехали в дорожную канаву.

– Эфраим Эмануэль Дик, – гневно ответствовала его жена, – стыдись! Ты сваливаешь всё на трёх невинных ослов, а сам небось как раз и задремал. Как можно быть настолько безответственным!

Когда она называла его полным именем, это всегда было для папы Дика тревожным знаком. Он заглянул через дверь внутрь вагончика и сделал озабоченное лицо:

– Тебе не больно, сокровище моё?

– Не стоит разговора, – ответил попугай. – У Сократа сломалось только пёрышко в хвосте.

– Помолчи, Сократ, захлопни клюв, – сказал папа Дик, – я не тебя имел в виду. Ты не ушиблась, дорогая? С тобой всё в порядке?

Мама Дик выбралась наружу через покосившуюся дверь вагончика. Она была такая же румяная и круглая, как её муж. Из одежды на ней были лишь чепчик и ночная сорочка. Чмокнув мужа в знак примирения, она осмотрела опрокинутый вагончик.

– Ты думаешь, – спросила она, – мы сможем снова поставить его на колёса?

– Придётся попробовать. В этом богооставленном месте вряд ли можно найти постороннюю помощь. К счастью, кажется, ничего не сломалось. Втроём уж как-нибудь управимся. Малышу придётся тоже приналечь. А где он, кстати? Всё ещё внутри?

– Вряд ли, – забеспокоилась мама Дик. – Я думала, он всё это время был с тобой, на облучке.

– Нет, со мной его не было, – озадачился папа Дик.

Они испуганно переглянулись, потом стали кричать на два голоса внутрь вагончика:

– Эй, там! Малыш! Мальчик! Дитяtko! Ты где? С тобой ничего не случилось? Скажи хоть что-нибудь, сынок! Ты там живой? Малыш, отзовись же!

– Здесь нет никого, – просипел попугай, – кроме разве что Сократа.

– О силы небесные! – ахнула мама Дик, всплеснув руками. – Где же он тогда? Где мой бедный мальчик? Мы потеряли его по дороге, но где и когда? Что с ним теперь?

И оба стали бегать в темноте и кричать во всё горло:

– Малыш! Мой мальчик! Сыночек! Откликнись, если ты нас слышишь! Куда ты подевался? Вернись, сыночек!

Но единственным ответом им был свист ветра да грохот бури.

Вообще-то мальчика, конечно, звали не Малыш. Он был крещён под именем Анаксимандр Хаструбель Хризостомос. Это имечко происходило из старинной книги рассказов, откуда папа Дик черпал материал для своих театральных постановок. Но такие сложные имена не мог произнести ни один человек, а тем более запомнить, даже сами родители. Поэтому они звали его просто Малыш, всю его жизнь, – и мы тоже будем придерживаться впредь этого прозвища. Так что его настоящее полное имя можно тут же безболезненно забыть.

Мама Дик ударилась в слёзы:

– Он такой безоглядный, такой неосторожный мальчик, – всхлипывала она. – Хоть бы он не вляпался во что-нибудь на свою голову...

– Ну, – злился папа Дик, – будем называть вещи своими именами. Он самый упрямый и самый непослушный сын из всех, какие у нас были.

– Но ведь у нас больше не было никого, – стенала мама Дик.

Папа Дик обнял её, утешая, и гладил по голове, сбив набок её ночной чепчик.

– Успокойся, моя радость, – лепетал он. – Не сомневайся, он скоро объявится. Таким, как он, ничего не делается. Найдётся он, и уж тогда я всыплю ему как следует сразу за всё.

– Нет, ты этого не сделаешь! – ревела мама Дик. – Ты изверг, а не отец. И вообще, что, если его похитили разбойники?

– Да брось ты, – отмахнулся папа Дик. – Мы же специально выехали на ночь глядя, чтобы нас никто не увидел. К тому же в такую погоду никакой разбойник не будет сидеть в засаде.

– Ты говоришь и сам себе не веришь! – воскликнула мама Дик, всё больше впадая в отчаяние. – Тут висельников полный лес, кишмя кишат.

– Ну хорошо, допустим. Но какая выгода им его красть? – возразил папа Дик, хотя и не вполне уверенно. – Мы всего лишь бедные бродячие актёры. Мы не сможем заплатить за него выкуп. Кому понадобилось похищать нашего Малыша?

Мама Дик высвободилась из объятий мужа и отступила на шаг назад, разом побледнев.

– Где-то в здешних лесах, – со страхом выдавила она, – гнездится сам Родриго Грубиан, самый злобный и страшный из всех рыцарей-разбойников. Это совершенно бессердечный человек. Он творит зло не ради денег, а ради собственного удовольствия. И не просит никакого выкупа. И если наш Малыш...

Она не смогла договорить. Тут и папа Дик заплакал. Они упали друг другу на грудь, и дождь поливал их лица вперемешку со слезами.

– О ужас, сгинь! – прокричал Сократ изнутри вагончика. – Хорошенький был бы сюрприз. Но не надо так сразу терять голову. Может, Малыш просто вышел сделать пи-пи или вроде того.

– В таких случаях, – ответил папа Дик, давясь слезами, – он обычно кричит, чтоб остановились и подождали его.

– Но если ты спал, сонливец ты этакий, – мама Дик принялась трясти его, – ты же не мог его услышать! И бедный Малыш теперь плутает где-то в ночи.

– Но ты ведь тоже спала, – несмело возразил папа Дик, – иначе бы ты заметила, что он вышел.

– Чёрт побери! – злобно крикнул попугай. – Не будет ли кто так любезен поставить вагончик на колёса? Сколько можно Сократу висеть тут вниз головой на штанге? И ничего не видно, потому что копилка погасла, и вообще. Останемся здесь до утра, а когда солнце взойдёт, Сократ облетит все окрестности и поищет Малыша. А вы сможете проделать то же самое пешком. Но сейчас нам ничего не остаётся, кроме как ждать, не придёт ли он сам. Да поставьте же вагончик, будьте любезны, чтобы Сократ мог хотя бы думать толком.

Этот попугай был, как вы видите, весьма рассудительной птицей, и его не так-то просто было лишить самообладания. Он принадлежал к породе очень мелких и особенно ярко раскрашенных птиц; он походил на клоуна, но очень не любил такого сравнения. Кроме того, он был пожилой попугай, что не редкость среди них, ему было лет сто, то есть с жизненным опытом птица.

То, что он умел так превосходно говорить, было легко объяснимо: он странствовал по свету не только с мамой и папой Дик, но и с дедушкой и бабушкой Дик, которые тоже были кукольниками, и сотни раз, а то и сотни сотен раз прослушал все спектакли, пока не выучил все роли наизусть и мог их безошибочно произнести. А ещё он был разумной птицей и недаром

носил имя знаменитого греческого философа. Он мог обходиться со своим огромным словарным запасом не хуже, чем какой-нибудь профессор.

Папа Дик нашёл крепкий длинный сук, который использовал в качестве рычага. Мама Дик налегла как следует и подпирала вагончик снизу. Вилли, Улли и Долли, три осла, тоже впряглись – и после нескольких «раз-два-взяли!» вагончик удалось поставить на колёса. Та сторона, на которую он упал, была вся в грязи, но дождь тут же принялся её отмывать. Другого ущерба не было.

Супруги вошли внутрь и снова засветили масляную коптилку. Потом привели в порядок всё, что было разбросано. А когда управились, сели друг против друга за маленький столик, взялись за руки и заботливо смотрели друг на друга. Ложиться спать ни у кого охоты не было.

Мама Дик время от времени вздыхала и повторяла одно и то же:

– Что же нам делать, папа Дик?

И папа Дик всякий раз отвечал:

– Я не знаю.

В конце концов Сократ почистил пёрышки и распушил их.

– Ждать и пить чай! – проворчал он.

Так они и сделали, потому что ничего более разумного они действительно пока не могли сделать.

Снаружи вагона на ветру и под дождём стояли Улли, Долли и Вилли. Но это им нисколько не мешало, они были привычные. Только на сей раз они повесили головы и развесили уши.

Вторая глава, в которой Малыш осаждает крепость Гробург

В то время как далеко-далеко впереди на просёлочной дороге папа и мама Дик сидели в кукольном вагончике, пили чай и тревожились за своё дитяtko, Малыш прокладывал себе путь сквозь густые лесные заросли. В те давние времена даже в нашей стране ещё были настоящие непроходимые леса с тысячелетними деревьями, с оврагами, куда ещё не ступала нога человека, с лианами и болотами, над которыми плясали по ночам блуждающие огоньки. Тот огромный лес, о котором пойдёт речь в этой истории, назывался Страхопуща, потому что был уж особенно жутким.

Это значило, что там жили не только медведи и удавы, но и лесные духи, злые кобольды и всевозможные другие чудовища. Но самое главное – здесь жил, спрятавшись в своей неприступной крепости, тот самый ужасный из всех рыцарей-разбойников, которого мама Дик упоминала с таким страхом: Родриго Грубиан.

Никто во всей стране не смел даже произнести его имя, не перейдя на шёпот и не прикрыв рот ладонью, потому что даже упомянуть его считалось опасным. О дикости и злобе этого изверга ходило множество легенд. Но в первую очередь рассказывали невероятные вещи о его нечеловеческой силе в бою, которая делала его непобедимым. Даже самые отважные богатыри и смелые головорезы предпочитали пускаться в более безопасные приключения, а Страхопущу обходили самой дальней стороной.

Несмотря на это, а вернее, именно поэтому Малыш и пустился на поиски этого человека.

Необходимо не сходя с места разъяснить это удивительное намерение, иначе у кого-то может сложиться совершенно превратное впечатление о Малыше и кто-нибудь ещё сочтёт его беспримерно храбрым, а то и героем.

Но храбрым он не был. Храбр тот, кто боится, но преодолевает свой страх. А Малыш просто не знал, что такое страх, поэтому ему нечего было преодолевать.

А страх имеет тот, кто знает зло, сидящее в нём, и потому старается на него не нарваться. Об этом Малыш тоже ничего не ведал. Ему просто нечего было под этим вообразить. Оттого всё его бесстрашие было не добродетелью, а ошибкой. Он понятия не имел, как можно исправить такую ошибку. Он слышал: кто не умеет отличить добро от зла, тот вечно остаётся ребёнком. Но Малыш этого не хотел, он мечтал повзрослеть, поэтому и сбежал и теперь направлялся к Родриго Грубиану, поскольку тот был несомненным специалистом по части зла.

Гроза всё ещё бушевала, дождь лил ручьями, гром гремел, сверкали молнии, а штормовой ветер привёл в неистовство весь лес. Малыш оказался одетым неподходяще для такой экспедиции. Его маленькая, худенькая фигурка была укрыта костюмом Арлекина, который мама Дик сшила для него из обрезков, оставшихся от шитья костюмов для кукол, – маленькие яркие пятна из бархата, из кожи, из парчи, из меха, из шёлка, из сукна или шерсти. Конечно же костюм насквозь промок и прилип к телу. Шапки на нём не было никакой, и его лисье-рыжие волосы торчали во все стороны как попало. Веснушчатое лицо и голубые глаза выглядели так, будто он только что свалился с луны.

В свете сверкающих молний гигантские сучковатые стволы деревьев казались то причудливыми фигурами со скрюченными руками и ногами, то лицами с выпученными глазами, хрящеватыми носами и искривлёнными в крике ртами. Многоголосый рёв и вой бури звучал как хор то жалобных, то грозных голосов. Но Малыш шагал дальше, нисколько не впечатляясь этими ужасами. То и дело он налетал в темноте головой на незамеченную ветку или падал, споткнувшись о толстое корневище. Но вставал и – не падая духом – продолжал свой путь. Пару раз было даже так, что буря с корнем вырывала деревья и они с треском падали, увлекая за собой другие деревья и ломая их. Малыш перелезал через толстые стволы, преграждавшие ему путь, и пробивал себе дорогу сквозь чащу.

Однажды он ступил ногой во что-то такое, что его не отпускало. Он тянул и тянул ногу, но не мог высвободиться. Как будто сучковатая рука схватила его, по-другому его нога никак не могла войти в этот клещевой захват. Малыш тянул и изо всех сил вырывал ногу, но эта штука его не выпускала. Может, то был какой-то злобный подколодный гном.

– Послушай, – крикнул Малыш, – отпусти меня, я тороплюсь к господину Родриго Грубиану!

Едва он произнёс это имя, как его ступня уже была свободна. Неужто даже лесные духи и сами деревья так его боятся? Или то была просто случайность?

Не прошёл он после этого и дюжины шагов, как гигантская молния ударила как раз в то место, где он только что стоял, зажатый в клещи.

– Это что, предназначалось для меня? – удивился Малыш. – И это лишь за то, что я произнёс его имя? Не очень-то любезно.

Даже самого устрашающего вида дерева, казалось, испугались его беспечности. Их лица внезапно приобрели возмущённое выражение, и они, казалось, начали перешёптываться и шушукаться между собой.

– Ну ладно, ладно, – сказал Малыш. – Молчу, молчу.

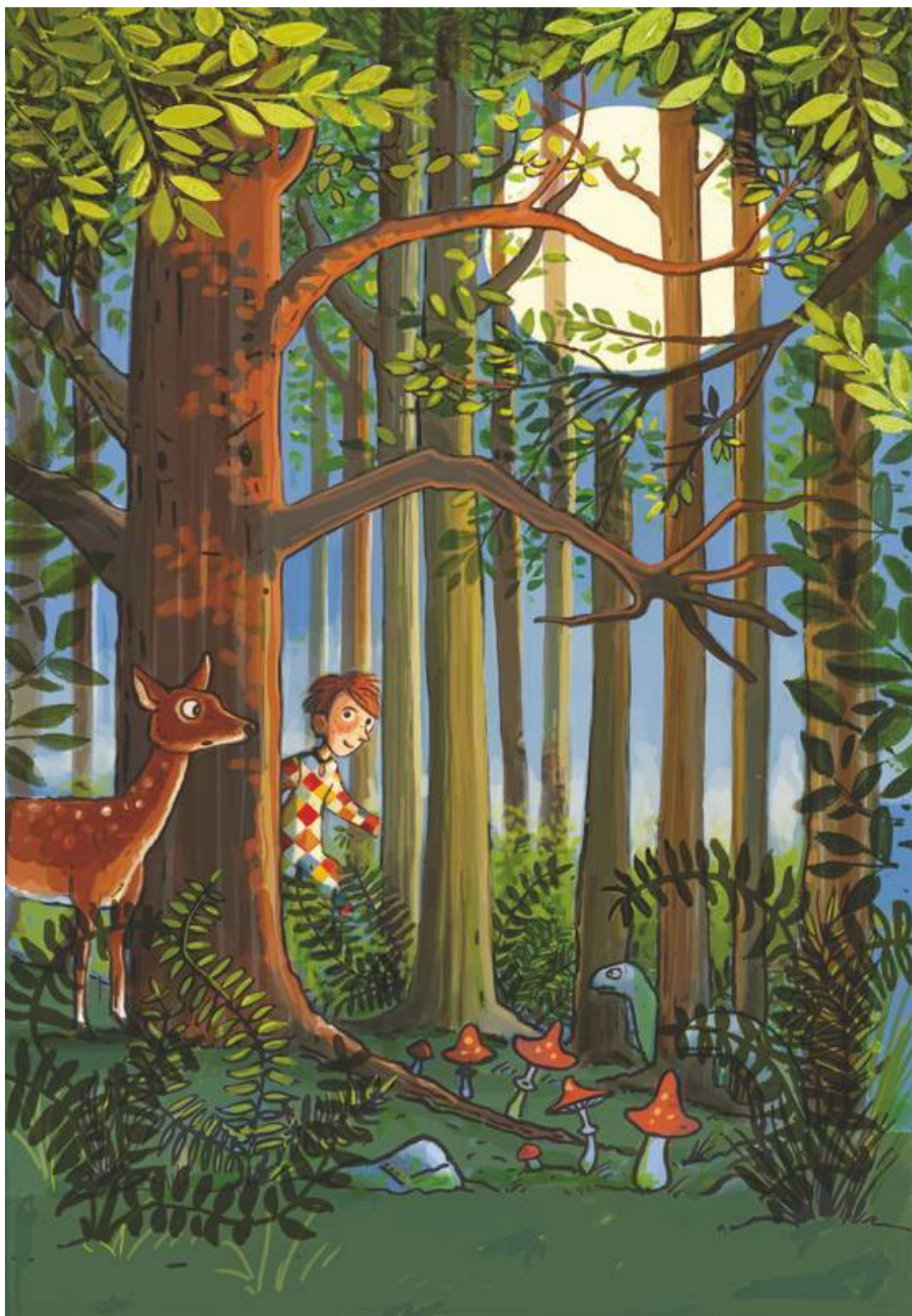
И он спокойно затопал дальше.

Немного спустя непогода наконец утихла, только ветер ещё дул, гоня мимо полной луны обрывки туч, так что становилось то светло, то снова темно. Однако внизу, на самом дне Страхопуци, где Малыш высматривал себе дорогу, мало что было видно. Могучие кроны деревьев едва пропускали свет.

Потом вдруг и ветер прекратился, и воцарилась мёртвая тишина. Был слышен лишь лёгкий шорох капель, что срывались с листьев. С земли поднимались клубы тумана. Ночные существа, которые до сих пор прятались в своих берлогах и норах, постепенно выползали наружу и горящими глазами со всех сторон наблюдали за маленьким путником, который так бесцеремонно проник в их вотчину.

Почва становилась всё более зыбкой и болотистой, кое-где росли гигантские грибы. Многие из них были выше Малыша. Потом дорога пошла заметно в гору, и среди деревьев стал появляться просвет. Иногда сквозь кроны даже пробивалась луна.

После того как Малыш уже довольно долго поднимался всё выше и выше, он вдруг услышал в тишине треск, потом снова и снова. Он пошёл на эти звуки и увидел под большим кустом орешника медведя, который щёлкал орехи.

– Привет, медведь! – сказал Малыш и подошёл к нему. – Оставь и мне, а то я проголодался.

Медведь повернулся к нему и рыча встал на задние лапы. Он был раза в три выше Малыша и с удивлением смотрел вниз на этого крошечного человечка в разноцветном, пёстром костюме.

– Не бойся, я тебе ничего не сделаю, – сказал Малыш.

То ли медведь был уже сыт, то ли его сбила с толку такая беззастенчивость, но он снова опустился на все четыре лапы и рыча убрался прочь.

Малыш миролюбиво посмотрел ему вслед и крикнул:

– Спасибо!

Потом собрал все орехи, какие смог найти, набил ими карманы своего костюма и продолжил путь, по дороге грызя орехи.

Луна уже продвинулась по небу довольно далеко, когда лес вдруг расступился перед Малышом и ему открылся вид на лысую каменистую гору, которая отвесно и многозубчато вздымалась вверх.

На самом верху самой высокой из вершин в слабом свете виднелась крепость, один вид которой даже на таком отдалении вогнал бы в страх с гусиной кожей по спине любого, но только не Малыша, который удовлетворённо кивнул и с восхищением присвистнул. Он был уверен, что наконец-то добрался до нужного места по точному почтовому адресу: к рыцарю-разбойнику Родриго Грубиану, проживающему в крепости Гробург на горе Лихогорье посреди Страхопуци.

Крепость была сооружена из чёрных каменных глыб и имела пять разновысоких башен, на вид каких-то кривых и покосившихся. Немногие окна, выходящие наружу, казались пустыми глазницами, поскольку внешние стены переходили прямо в отвесные скалистые обрывы. Крепостного рва там не было, только на одной стороне виднелись ворота, но снизу было не разглядеть, открыты они или закрыты. В целом же эта крепость производила впечатление довольно обветшалой.

Малыш начал восхождение. Дорога представляла собой узкую тропу без перил, которая причудливо вилась вокруг высоких скалистых игл. Всюду по дороге, где было хоть немного лишнего места, Малыш наткнулся на могилы, каменные кресты которых косо торчали из земли. На могильных плитах он с трудом разбирал надписи такого рода:

*Здесь погребён рыцарь Богумил Грозайц,
убитый Родриго Грубианом
после трёхдневной битвы.
Путник, остерегись идти дальше!*

Или:

*Здесь покоятся насилу собранные останки
великана Унтама Менувеля,
которому не повезло —
пришёл он не по нраву Родриго Грубиану.
Путник, скорее ноги в руки!*

Или:

*То немного, что осталось
от банды из тринадцати неистовых берсерков,
что встали поперёк дороги Родриго Грубиану,
лежит здесь, погребённое в цветочном горшке.
Лети отсюда мухой, чужеземец!*

При подъёме Малыш то и дело спотыкался о рассыпанные повсюду черепа и кости. Однажды ему пришлось довольно долго двигаться вдоль целой шпалеры человеческих скелетов, прикованных к скале ржавыми цепями и со шлемами на черепахах. Тут явно был сокрушён целый отряд рыцарей, наказанных Родриго Грубианом за то, что они пытались нанести ему визит без приглашения.

Этот почётный караул, вероятно, любого другого навёл бы на мысль, что дома в принципе гораздо лучше и уютнее и поэтому самое время туда вернуться. Любого, но не Малыша.

Когда он наконец добрался до самого верха, то увидел, что дорога кончается на одном из скалистых зубцов. И отсюда через зияющую бездну к воротам крепости был перекинут подъёмный мост. Этот мост был такой трухлявый, а толстые цепи настолько проедены ржавчиной, что более чем сомнительным казалось, что он вообще выдержит того, кто ступит на него. К тому же огромные ворота за мостом всё равно были закрыты.

Малыш поставил ногу на поперечную доску моста. Она заскрипела и затрещала, и что-то от неё отвалилось и полетело в бездну. Но Малыш пошёл дальше. В одном месте ему пришлось перепрыгивать через дыру между досками. Вся конструкция ходила ходуном, а цепи хрустели, и с них осыпалась ржавчина. Но он наконец очутился перед воротами.

В середине ворот находилась колотушка в виде рожи чёрта с толстым железным кольцом в его пасти. Малыш расшевелил заржавевшее кольцо и пару раз стукнул им в ворота. Он слышал, как стук разносится эхом по крепости, но больше не было слышно никакого звука. Он постучал ещё раз – сильнее. Потом крикнул, приложив ладони рупором ко рту:

– Эй, в крепости! Господин рыцарь-разбойник Родриго Грубиан, позвольте мне, пожалуйста, войти!

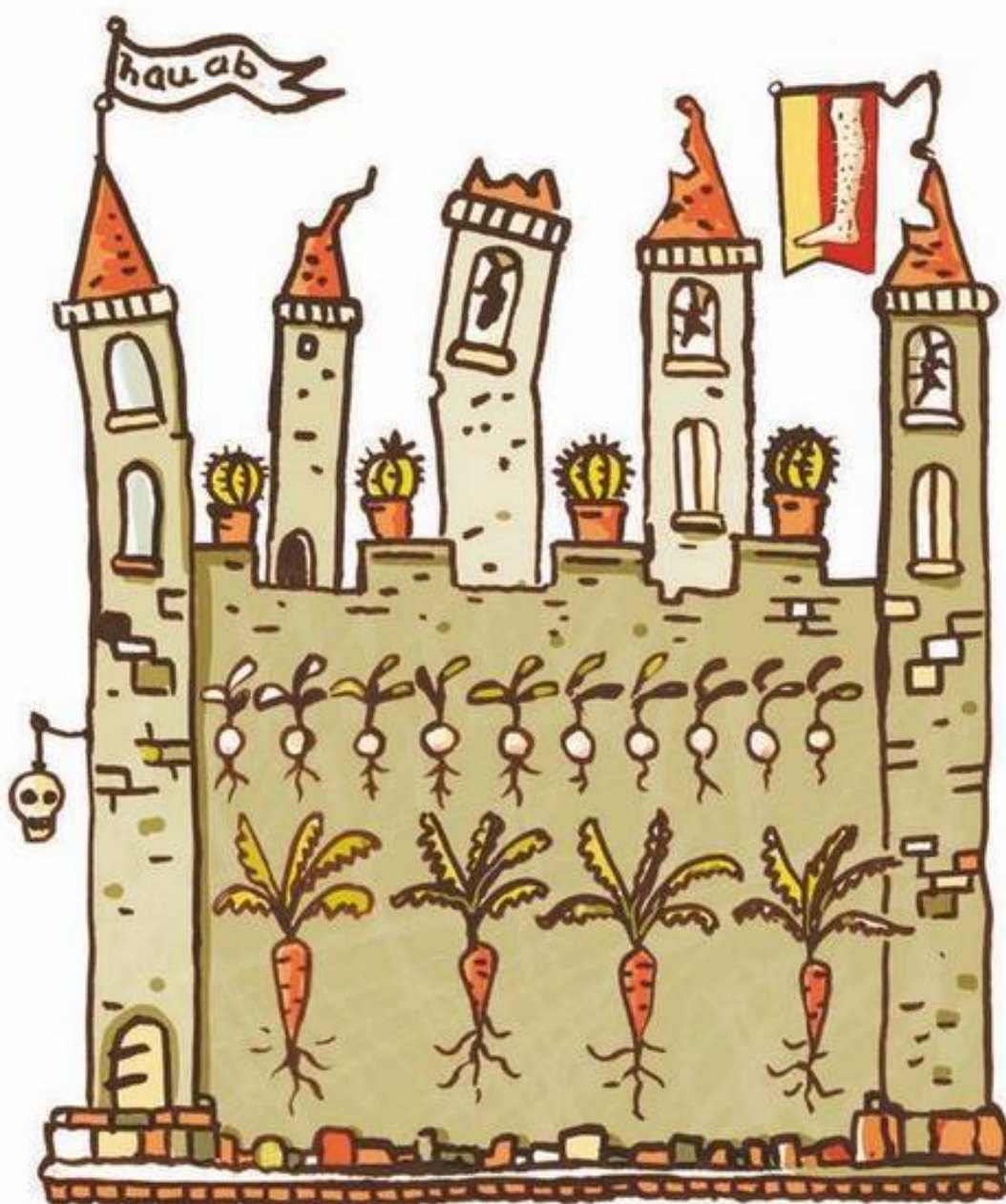
Никто не ответил, и никто не вышел к воротам. Малыш стучался ещё некоторое время, но тщетно. Постепенно он утомился стучать, ведь всю ночь он провёл на ногах под дождём. Глаза у него слипались.

«Может быть, – сказал себе Малыш, – он как раз ушёл, чтобы сделать кое-какие покупки. Он наверняка скоро вернётся, в противном случае он оставил бы на воротах записку: *Я в отпуске* или вроде того. Посижу-ка здесь и подожду его немного».

Он примостился в уголке у ворот и тут же мирно заснул.

Третья глава, в которой рыцарь-разбойник Родриго Грубиан едва не обрёл оруженосца

Но рыцарь-разбойник Родриго Грубиан вовсе никуда не уехал. Он вообще никогда не уезжал и даже не выходил за покупками. Нет, он был дома и очень хорошо слышал стук в ворота. Но он ни за что не хотел открывать.

На самом деле Родриго Грубиан был совсем не тем, кем его считали люди. Хотя он и правда был ростом под два метра, с богатырской статью, а лицо его обрамляла густая чёрная

борода, но всё это была только видимость. В жизни он и мухи ни разу не обидел. Как говорят в таких случаях, он обладал внешностью волкодава и душой маргаритки.

Все истории о его неукротимой свирепости и подлости были только слухами, которые он сам же и распускал. А люди, конечно, разносили их дальше, приукрасив каждый на свой вкус. Ему это было только на руку, ему хотелось иметь самую дурную славу, какая только возможна. И всё это лишь ради маскировки, за которой он скрывался, желая, чтоб его оставили в покое.

Потому что Родриго Грубиан был не только весьма чувствительным, но и весьма робким человеком. Жизнь, как ему казалось, была полна опасностей, а мир полон злодеев, которые только и выжидали момента, чтобы напасть на него, ограбить, а то и заколоть. От этого их могло удержать, по его мнению, лишь одно: если они будут бояться его больше, чем он их. И ему благодаря этому методу до сих пор действительно удавалось вести спокойную, уединённую жизнь.

Это стоило ему многолетних трудов – своими руками изготовить и установить все кресты и надгробные камни. Под ними никто никогда не лежал. А скелеты, кости и черепа он изготавливал из гипса и глины в мастерской, оборудованной специально для этого.

К сожалению, его скульптурные шедевры были не особо долговечны. От дождя и снега они часто размокали или крошились, и тогда приходилось их кропотливо восстанавливать целыми днями или мастерить совсем новые; надо было подновлять выцветшие надписи, поправлять покосившиеся кресты. И нельзя было допустить, чтобы кто-то застал его за этим занятием, иначе ведь всё могло открыться. Лучше всего было исполнять все эти дела в темноте. Но была одна загвоздка: он сам боялся темноты настолько, что ночью его не вытянули бы из крепости и десять лошадей. Он отваживался выходить за ворота лишь при ярком свете солнца, чтобы произвести свои ремонтные работы.

Крепость Гробург, кстати, он унаследовал от своих предков, которые и впрямь были настоящими рыцарями-разбойниками. Будучи последним в своём роду, он жил теперь в крепости один, но пользовался лишь малой её частью. В просторные рыцарские залы, коридоры и лестницы уже десятилетия не ступала нога человека. Все двери туда он запер, потому что боялся привидений.

Во дворе крепости он сажал картофель и разводил овощи, это и было его пропитанием. Жил он в маленьком солнечном помещении в Южной башне, единственной, которая ещё художественно сохранилась в исправном состоянии. В его комнате стояла кровать, в открытом камине он варил себе еду – это был главным образом овощной суп, но прежде всего он предавался тут своему любимому занятию: разведению кактусов. Больше всего он любил маленькие шарообразные кактусы, как будто это были его дети. Каждому из них он дал имя и мог часами с нежностью разглядывать их. Он чувствовал своё душевное родство с ними, ведь они были, так же как он, с виду неприглядны и непритязательны, но ведь иногда они распускались красивейшими и нежнейшими цветами, какие только могут быть. Но заставить их расцвести можно было лишь заботливым уходом, а это требовало долгого терпения, порой не в один год.

К вещам, которые особо досаждали нежному душевному устройству Родриго Грубиана, относились молния и гром. Всю предыдущую ночь во время ужасной непогоды он просидел в своей кровати, обложившись подушками и с бледным лицом ожидая кончины. Он заранее облачился в рыцарские доспехи, чтобы по крайней мере выглядеть респектабельно, когда его призовут к себе предки. Он укрылся толстым пуховым одеялом до самого подбородка, а при каждой вспышке молнии и вовсе натягивал его себе на голову поверх шлема. К тому моменту, когда гроза досыта набушевалась и улеглась, он – измученный, но благодарный своей милой судьбе – упал в свои подушки, однако сна найти не мог.

Тогда-то и раздался тот внезапный стук в ворота крепости. Господин Родриго Грубиан воспрянул из своего полудремотного состояния, и его чёрная борода встопорщилась дыбом от страха. Ещё никогда, ни разу за все эти годы не было такого, чтобы кто-то посмел приблизиться

к крепости Гробург. И тот, кто отважился на это в ночное время да ещё после такой грозы, мог быть существом только самого худшего сорта. Это нападение – вот что было совершенно ясно господину Родриго. Он замер, затаился, поскольку это было его единственной надеждой обмануть ту кровожадную орду, что осадила его крепость. Если он сделает вид, что его нет, то они, быть может, поверят и уйдут несолоно хлебавши.

Остаток ночи он провёл дрожа от страха, но, когда настало утро, а стук больше не повторялся, у Родриго появилась надежда, и к тому же его одолело любопытство. Ему захотелось посмотреть, не узнает ли он по каким-то следам, кто это приходил по его душу.

Он спустился по винтовой лестнице, пересёк двор, дошёл до ворот и осторожно отодвинул дубовый засов, служивший ему в качестве задвижки. Одна створка ворот со скрипом открылась, и он выглянул наружу, но ничего не увидел. Но тут кто-то снаружи вдруг грубо надавил на створку, и у господина Родриго от удивления отпала челюсть.

Вошедшим был изрядно вымокший мальчишка в пёстром лоскутном костюме и с рыжими растрёпанными волосами. Он схватил обеими руками лапу рыцаря, потряс её и сказал с самой серьёзной миной:

– Ну наконец-то. Вы так крепко спали. Доброе утро, господин рыцарь-разбойник Родриго Грубиан! Отныне я ваш новый оруженосец. Меня зовут Малыш. И я, кроме того, проголодался. Когда будет завтрак?

После этого он несколько раз подряд громко и непринуждённо чихнул.

– Так-так, – сказал Родриго, совершенно сбитый с толку. – Ага. Ну-ну. И что?

– У вас же, как я понимаю, нет другого оруженосца? – уточнил Малыш.

– Да вроде бы нет, – ответил Родриго. – Насколько мне известно.

– Вот-вот, – удовлетворённо отметил Малыш. – Значит, я вам нужен.

– Вообще не нужен, – возразил Родриго. – Стоять, ни с места! Смирно! Куда это ты наладился?

Малыш уже прошёл мимо него во двор крепости и одобрительно огляделся.

– Мне здесь нравится, – сказал он. – А где моя комната?

– Послушай-ка, Малыш, – воскликнул Родриго, – давай-ка ты уйдёшь туда, откуда пришёл, причём немедленно! Здесь не детская площадка, нет, и даже близко нет.

– Верно, – признал Малыш, – именно поэтому мне здесь и нравится.

И он снова чихнул.

– Может, ты согласишься чихать в другую сторону? – возмутился Родриго. – Если ты простудился, я не хочу от тебя заразиться.

– О, за меня не беспокойтесь, – ответил Малыш.

– Тебе надо вернуться домой и принять лекарство, – посоветовал рыцарь-разбойник, – а то ещё подхватишь воспаление лёгких.

– Мне это вообще нипочём, – заявил Малыш и стал подниматься по винтовой лестнице в покои господина Родриго.

Рыцарь с трудом поспевал за ним и даже запыхался.

– Кто твои родители? – спросил он.

Малыш пренебрежительно пожал плечами:

– А, эти! Я к ним не вернусь. Никогда.

– Это почему же?

– Они меня не понимают. Они такие благопристойные и мелочные, ну сущие обыватели. Я ведь происхожу из рода графьев фон Нитяник.

– Не слышал про таких, – буркнул Родриго. – И чем же тебе это не нравится?

– Только и слышишь: «это неприлично», «то не подобает», «этого не делай», «того нельзя». Не желаю больше участвовать в этих ужимках. Всегда быть послушным и примерным

– какая скука! Куда лучше быть свободным парнем и повсюду сеять вокруг себя ужас, как вы, гроза всех путников и рыцарей.

– Ну да, то есть... – возразил было Родриго, но Малыш перебил его:

– Вы мой образец, пример для подражания, господин Родриго Грубиан. Мне все говорили: если и дальше будешь так делать, то станешь рыцарем-разбойником. Вот я и стану им теперь.

– Ну, это не так-то просто, – попытался вразумить его Родриго.

– Я знаю, – ответил Малыш, – но, раз уж я решил, меня уже не отговорить, потому что я неслыханный упрямец. Кстати, я могу говорить тебе «ты» и «дядя Родди»?

– Нет! – фыркнул рыцарь. – Ни в коем случае!

– Хорошо, дядя Родди, – невозмутимо продолжал Малыш, – так и договорились. Я остаюсь здесь. Отныне я твой оруженосец Малыш.

Между тем они уже поднялись в башенную комнату Родриго. Малыш тотчас подошёл к кактусу на подоконнике:

– Какие странные шишечки! – И цапнул их пальцами. – Ой! – Он укололся, отдернул руку и невзначай опрокинул горшок, который упал и разбился.

Тут Родриго Грубиан собрал в комок все свои силы. Он набрал полную грудь воздуха и взревел:

– Это была Туснельда, нежнейшая из всех! А ну пошёл отсюда прочь! Не нужен ты мне тут! И не смей больше прикасаться к моим кактусам, ты меня понял?

– Хорошо, хорошо, как скажешь, дядя Родди, – успокаивал его Малыш, – ты только не волнуйся из-за такого пустяка: подумаешь, укололся! Мне уже и не больно.

– Зато мне больно! – пыхтел Родриго, гневно вращая глазами. – И если ты сейчас же не уйдёшь, мальчишка-негодник, я тебя вышвырну собственными руками!

Он схватил Малыша, чтобы воплотить в жизнь свою угрозу, но вдруг замер, и на его лице отразилась озабоченность.

– Да ты весь горишь, дитя моё! – сказал он. – Точно, у тебя жар! Должно быть, ты ужасно простудился нынче ночью. – Он потрогал его лоб ладонью. – Да, никаких сомнений. Ну-ка покажи язык!

Малыш высунул язык.

– Да, ты болен, – удостоверился Родриго. – К тому же сильно. Немедленно в постель. С такими вещами не шутят.

– Не лягу я в постель.

– Ляжешь, причём немедленно.

– Нет.

– Ну, это мы посмотрим.

– Нет, не хочу и не буду!

– Оруженосец должен слушаться своего рыцаря, причём беспрекословно, как только ему будет приказано. Если я скажу: «Прыгни из окна», ты прыгнешь из окна. Если я скажу: «Ложись в постель», ты ляжешь в постель, понятно?

Малыш с сомнением посмотрел на Родриго:

– Ты это по правде или говоришь просто так, чтобы обдурить меня?

– Это правда, даю тебе честное разбойничье слово! Если ты не будешь слушаться, то не бывать тебе оруженосцем.

– А если я буду слушаться, тогда я твой оруженосец?

– Нн... ну ладно, чёрт с тобой, – сказал Родриго.

Малыш молчком стянул с себя мокрую одежду. Родриго приготовил ему постель, и Малыш юркнул под одеяло. Он даже не протестовал, когда Родриго сделал ему компресс на горло, и без возражений выпил ромашковый чай с мёдом, заботливо приготовленный рыцарем.

В следующие ночи Родриго Грубиан спал, сидя в своём старом кресле с высокой спинкой. Это было не особенно удобно, но ведь это лишь временно, говорил он себе. Как только мальчик поправится и снова встанет на ноги, тогда уж он как-нибудь от него избавится.

Дни напролёт они рассказывали друг другу о приключениях, которые им якобы пришлось пережить, при этом обманывая друг друга так, что корчились старые трухлявые балки в башенной комнате. Сперва Малыш рассказывал о своих проделках и безобразиях, которых на самом деле никогда не учинял. Он всего лишь хотел показать, что в нём присутствует дух настоящего, бессовестного рыцаря-разбойника.

Постепенно и Родриго вошёл во вкус и выдумывал всё новые истории, в которых сам он выступал в роли непобедимого и устрашающего героя. Он рассказывал о дерзких нападениях на княжеские кареты, когда он один побеждал целые отряды рыцарей; о проникновениях в королевские сокровищницы, где ему в руки перепали мешки золота и бриллиантов; о турнирах, в которых он нанизывал на одну пику, словно сосиски, по три опасных противника; о карточной игре, в которой ему удалось обыграть самого чёрта собственной персоной; о бешеной скачке верхом на морском чудище, которое он обуздал, и о сказочной попойке с тремя ледяными великанами, которые жили на Северном полюсе и которых он споил до бесчувствия, а после обобрал до нитки.

Малыш слушал и не мог наслушаться. Глаза его блестели, уши горели, причём не от жара (жар уже давно спал), а от воодушевления. Он то и дело повторял:

– Дядя Родди, ты и правда самый великий. Я тоже хочу когда-нибудь стать таким, как ты.

Восторги юного гостя явно шли на пользу Родриго Грубиану. Он прямо-таки расцветал от своего хвастовства. Этот Малыш становился ему всё симпатичней.

«И правда, какой славный парнишка, – думал он про себя, – даже жалко, что скоро придётся его прогонять, иначе он ещё обнаружит мою гипсовую мастерскую и будет всем кругом о ней рассказывать – и тогда конец всей моей дурной славе».

Но избавление от мальчишки оказалось задачей, о которой легче рассказать, чем её выполнить. Но на всякий случай он покрепче запер дверь в свою пресловутую мастерскую, а ключ носил при себе и днём и ночью. Когда Малыш через несколько дней встал на ноги, Родриго отдал ему ключи от всех остальных дверей крепости, чтобы он мог осмотреться. Связка ключей была такой тяжёлой, что Малыш её еле таскал. Несмотря на это, ему удалось открыть

одну за другой все двери. Он проинспектировал все залы и покои, в которых всё покрылось слоем пыли в палец толщиной, а с мебели свисали целые полотна паутины. Он слонялся по длинным галереям и проходам с их полуистлевшими настенными коврами, гобеленами и портретами предков, потемневшими от времени так, что и лиц не разобрать. Разумеется, он заглядывал и во все сундуки и шкафы и обследовал их содержимое. И наконец очутился в старом оружейном зале.

Здесь лежали и висели на подставках вдоль стен бесчисленные кольчуги, шлемы, доспехи для ног и для рук, щиты, мечи, шипованные булавы, алебарды, копья, турнирные пики, кинжалы, бронированные рукавицы и всякое прочее оснащение рыцарей-разбойников.

Малыш чувствовал, как учащённо бьётся его сердце. Поскольку в оружейном зале не было окон, он принёс горящий факел и основательно обследовал весь арсенал. Многие вещи уже слишком проржавели, чтобы их можно было ещё использовать, но под конец он нашёл вполне исправные доспехи со щитом и мечом, которые подходили ему по размеру. Их оставалось только хорошенько протереть от пыли и смазать. Он влез в эти железные одежды, водрузил на голову шлем, опоясался мечом, повесил на руку щит и, звеня и громохая, вернулся по залам и коридорам, по винтовой лестнице вверх – в башенную комнату, где Родриго Грубиан как раз поливал свои кактусы.

Рыцарь-разбойник поначалу чуть не задохнулся от страха, потому что Малыш опустил забрало своего шлема и Родриго его не узнал.

– Дядя Родди, – сказал Малыш, и его голос гулко отдавался в металле, – смотри-ка, что я нашёл.

– Ах, это ты! – с облегчением выдохнул Родриго, который уж было подумал, что видит привидение среди бела дня.

– Теперь это всё моё, – решительно объявил Малыш и поднял забрало.

В эту минуту в голову Родриго Грубиана пришла идея, под каким предлогом отправить мальчишку домой.

– Нет уж, – сказал он. – Для этого ты должен сперва стать рыцарем. Но ты пока ещё не прошёл даже испытание оруженосца.

– Испытание оруженосца? – удивился Малыш. – А что это такое?

Родриго уселся в своё кресло с высокой спинкой и объявил:

– Если ты действительно хочешь стать оруженосцем рыцаря-разбойника, ты должен сперва доказать, что полон мрачной решимости к этому.

– Я полон, да, – подтвердил Малыш и постарался принять самый мрачный вид.

– Ну, сказать-то может каждый, – скептически заметил Родриго. – Ты должен пройти испытание, что ничего не боишься и не отступишься ни перед каким злодеянием. Тебе придётся в одиночку и без всякой посторонней помощи совершить опасное преступление, а ведь ты наверняка не хочешь этого.

– Хочу, – ответил Малыш. – И пойду на всё. Что, например, я мог бы такого совершить?

Родриго почесал за ухом.

– Это я не могу тебе сказать, ты должен сам найти себе подходящее злодеяние. В этом как раз и состоит испытание. Сам видишь, как это трудно, слишком трудно для такого, как ты. Так что послушай моего совета и оставь это дело.

Малыш молча снял с себя доспехи, сложил щит и меч. Родриго обрадованно кивнул, полагая, что цель его достигнута.

– Я уйду сейчас же, – решительно сказал Малыш.

– Минуточку, мой мальчик, – растерянно забормотал Родриго. – Что это значит? Куда ты собрался?

– Ну, выдержать испытание, как ты сказал, дядя Родди.

– Но... – Вид у Родриго вдруг стал совершенно несчастный. – Но ты ведь это не всерьёз? Это же тебе, в конце концов, не воскресная прогулка.

– Надеюсь, что нет, – ответил Малыш, – а эти вещи пусть тут полежат, пока я не вернусь. Никому их не отдавай. Обещаешь?

– Ну да... – выдавил из себя Родриго. – Если ты по дороге не передумаешь. – Втайне он проклинал себя за свою выдумку. Этого мальчика явно ничем нельзя было лишить присутствия духа.

– Ты ещё будешь гордиться мной, дядя Родди, – заверил Малыш, протягивая рыцарю руку. – Итак, до свидания. До скорого!

Родриго озабоченно заглянул в его веснушчатое личико и сглотнул раз-другой, прежде чем произнести заикаясь:

– Но как же... Что же? Ты хочешь вот так просто уйти? Прямо сейчас?

– Чем раньше я начну, – ответил Малыш, – тем скорее вернусь.

Родриго больше не знал, что и сказать. Он лишь молча ворошил свою густую чёрную бороду.

Они вместе спустились к воротам. Рыцарь открыл их и выпустил Малыша наружу.

– Послушай, – сказал он осипшим голосом, – лучше бы я даже не заикался об этом, насчёт испытания и всё такое. Давай-ка я просто так подарю тебе эти доспехи. Ты не против?

Малыш отрицательно помотал головой:

– Так не годится, дядя Родди. Я хочу стать настоящим рыцарем-разбойником. Таким, как ты.

– Малыш, – сказал Родриго, – тогда я должен тебе сказать, что ты необыкновенный парень.

– Я знаю, – ответил Малыш и ударил себя в грудь. – Не волнуйся за меня.

Он помахал на прощание, отвернулся и зашагал по витиеватой тропе вниз со скал Лихогорья, ни разу больше не оглянувшись. Если бы он при этом посматривал влево и вправо, он бы, пожалуй, заметил, что многие черепа слегка размякли и расползлись, ведь у Родриго Грубиана за прошедшие дни ни разу руки не дошли заняться починкой костей. Но Малыш был слишком погружён в мысли о своём испытании на звание оруженосца разбойника-рыцаря.

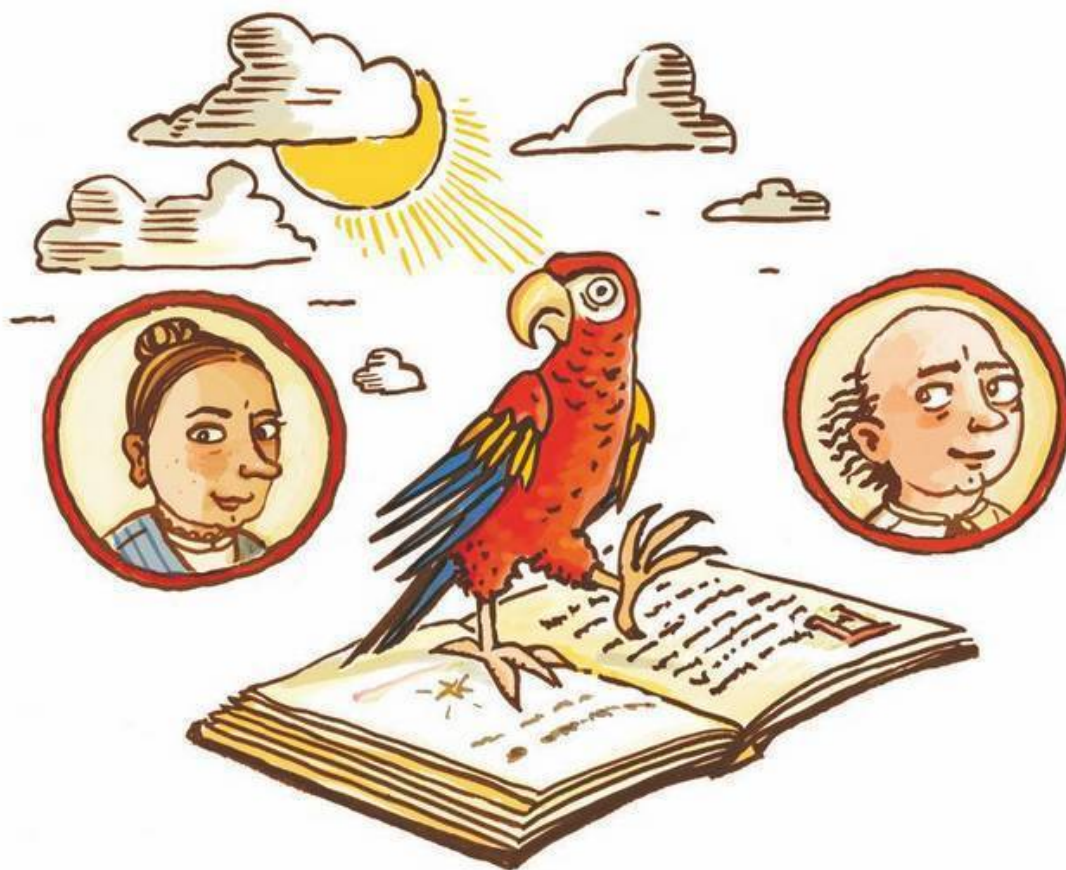
Родриго Грубиан смотрел вслед мальчику, пока его лоскутный костюм Арлекина не скрылся из виду среди скал, потом тяжело вздохнул.

– Ну вот, – пробормотал он себе под нос, – я хотя бы избавился от него. Это главное. Я рад.

Но, возвращаясь назад в крепость Гробург и запирая за собой ворота, на радостного он никак не тянул.

Четвёртая глава, в которой крепость Гробург опять осаждается и Родриго Грубиан волей-неволей пускается в путь

В первом свете раннего четвергового утра папа и мама Дик пустились на поиски своего упрямого сына Малыша. Свой вагончик, дом на четырёх колёсах с пёстро размалёванными стенами и двусторонней надписью «*Кукольный театр папы Дика*», они оставили на обочине ухабистой дороги на краю Страхопуци. Ослы Долли, Вилли и Улли могли пастись на траве, растущей между колеями дороги.

При свете солнца эта дорога выглядела немного приветливее, чем в вороно-угольно-смоляно-мрачную ночь с завывающим ветром, барабанившим дождём, оглушительным громом и сверканием молний. Тут и там солнце даже подмигивало в лужах, как будто минувшая страшная ночь была просто шуткой погоды, а исчезновение Малыша – просто дурным сном.

Но Малыш и в это утро не лежал на своём узком втором ярусе над широкой родительской койкой Диков, а Страхопуца и в свежем солнечном свете раннего четвергового утра казалась не менее мрачной, чем в роковую грозовую ночь среды.

Поэтому папа и мама Дик не отваживались углубляться в лес слишком далеко. Из страха заблудиться в дебрях, споткнуться о корень, наткнуться на лесного духа или, что того хуже, на разбойника-рыцаря Родриго Грубиана они не упускали из виду дорогу и свой вагончик. Честно говоря, они ни разу даже не переступили границу леса, зато кричали во все стороны тем громче.

– Малыш! – звали они. – Мальчик! – вопили. – Мальчуган!

А помимо этого, они выкрикивали в сторону леса – смотря по тому, кто из них кричал, а кто в это время приберегал свой голос, – то свирепые угрозы, то пустые обещания. Папа Дик грозил затрещинами, если Малыш не объявится тут же на месте. Мама Дик сулила ему блины и даже собственную лошадку, если он наконец предстанет перед родителями.

Из леса всякий раз никто не отзывался. Ни в четверг, ни в пятницу, ни даже в субботу. Крики родителей если и имели какое-то следствие, то лишь стоны болотных друдов, подколенных гномов и кобольдов Страхопуци, которых допекли эти крики.

Слышал эти крики папы и мамы Дик и попугай Сократ, разговаривавший при этом сам с собой. Он слышал их то вблизи, то издали – смотря по тому, какую часть Страхопуци он в этот момент облетал. Он был всего лишь небольшой попугай, уже не такой юный, к тому же привыкший путешествовать на штанге занавески, а не при помощи собственных крыльев, однако он проявлял недюжинную выносливость – причём как в четверг, так и в пятницу. И лишь в субботу, после короткой, неудобной ночи, проведённой на ветру, на ветке, он признался себе, что не сможет найти Малыша при помощи одних лишь крыльев.

– Сократу придётся задействовать голову, – сказал он себе, а когда он это сказал, на него упал луч утреннего солнца и озарил его яркое оперение. На мгновение почудилось, будто попугай и впрямь вышел на мрачный манеж Страхопуци как знаменитый клоун, чтобы внести немного блеска в унылые цирковые номера болотных друдов, подколенных гномов и кобольдов.

Сократ не стал терять ни минуты. Он был не только весьма рассудительной птицей, он был также птицей дела. И он полетел над верхушками Страхопуци, уже не вглядываясь в гущу зарослей. Он больше не выискивал яркий лоскутный костюм Малыша или рыжее пятно его волос. У него уже сложился план, и, чтобы его осуществить, ему следовало сперва вернуться в кукольный театр на обочине дороги.

Найти направление было нетрудно, достаточно следовать всё более хриплым крикам папы и мамы Дик, которые начали эту субботу так же, как и пятницу, и четверг перед этим. Потому что оставить всё как было – это папа и мама Дик умели лучше всего. Они никогда не отступали ни на шаг с того пути, на который однажды свернули. Они и в кукольники вышли точно так же – по проторённой дорожке отцов и дедов, которые тоже были кукольниками. Сократ уже давно предполагал, что недостаток фантазии и избыток инерции были не самыми лучшими предпосылками для кукольного театра папы Дика. По крайней мере, ничего скучнее спектаклей папы Дика Сократ не видел никогда.

Попугай оставил обоих кукольников стоящими на краю дороги и орущими. Он пролетел у них над головами прямоком в вагончик, и воздушная струя его полёта заставила марионеток танцевать. Чародей, свисающий с потолка, задел своего соседа дракона. А на штативе неподалёку от штанги Сократа принцесса толкнула короля, который обессиленно свисал на нитках.

В это субботнее утро Сократ не уселся на своё привычное место на штанге для занавески. Он совершил посадку на кухонный стол и при помощи своего кривого клюва стянул с полки старинную книгу историй – ту самую книгу, из которой папа Дик черпал сюжеты для своих спектаклей, даже не задумываясь над ними. Книга шлёпнулась на столешницу, как будто кто-то ударил в литавры. И когда пыль от падения улеглась, Сократ принялся перелистывать страницы.

Он переворачивал листы острым клювом и зорким попугайским взглядом пробежал строку за строкой. Раз уж он не смог найти Малыша в Страхопуце, то, может, обнаружит его в этой книге историй. Таков был его замысел. Ибо хотя непуганый, упрямый озорник Малыш и был особенным, но уж точно не был первым мальчишкой, который пустился странствовать по свету в поисках счастья. Должны быть и другие истории, повествующие о таких озорниках, как он, они-то и дадут Сократу подсказку, что будет дальше с Малышом. И если он найдёт эту

подсказку – так думал умный попугай, большой поборник мысли, забегающей вперёд, – то он, быть может, будет поджидать Малыша на следующем этапе его пути.

Если в первой главе своей истории Малыш исчезает, то во второй и, может, даже в третьей он будет убегать как можно дальше! Но самое позднее в четвёртой главе Сократ уже будет тут как тут, поджидая Малыша на решающем перепутье, и всё лишь потому, что правильно предвидел ход истории и просто пропустил пару ненужных глав! Правда, за три долгих дня Малыш уже мог продвинуться далеко вперёд.

Сократ нетерпеливо перелистывал страницы. Он помнил все театральные пьесы, которые когда-либо видел, но он и не предполагал, как много ещё оставалось материала, не освоенного театром. Он знал сотни историй, а в книге описывались сотни сотен. Правда, половина из них не могла пригодиться Сократу: вместо того чтобы описывать, как кто-то внезапно уходит, эти истории описывали, как кто-то внезапно появляется.

Но и та половина, которая могла ему послужить, содержала множество возможностей. У Сократа скоро закружилась голова. Там были малыши, которые встречали добрую фею, и она исполняла три их желания, самое первое из которых уносило их далеко на край света. Там были малыши, которые спускались к чёрту в преисподнюю – чего Сократ вполне мог ожидать от своего Малыша, но что он, впрочем, исключал, полагая, что ворота в преисподнюю едва ли могли находиться в Страхопуще. Другие мальчишки поднимались в гору и попадали в логово великана, третьи искали чашу, магический колодец или заколдованный замок со спящей принцессой. И не так уж мало было тех, кто, прежде чем пуститься в путь за чашей или спящей принцессой, подыскивал себе рыцаря, чтобы сделаться его оруженосцем.

И это показалось попугаю самым подходящим для Малыша, принимая во внимание его юный возраст. Сократ, так долго сгибавшийся над книгой, выпрямился. Теперь он должен как следует подумать!

Не сама ли мама Дик беспрерывно – пусть и прикрывая рот ладонью – поминала рыцаря-разбойника Родриго Грубиана, который гнезился где-то в здешних местах, в Страхопуще? Да и сам Сократ во время своих поисковых облётов разве не видел издали покосившиеся башни на вершинах Лихогорья?

И не подходит ли одно к другому, пусть рыцарь и не благородный, а разбойник? Малыш, думал Сократ, не очень-то различал их. В отличие от его родителей, которые никогда не делали ничего по-другому, Малыш всегда всё делал наоборот. И рыцарь-разбойник, вероятно, был для него самым подходящим!

Сократ всё сильнее укреплялся в своём решении. Он оставил книгу историй на столе – она ему уже не понадобится – и полетел к папе и маме Дик, чтобы взять командование на себя. Кукольный театр папы Дика должен отправиться к рыцарю-разбойнику Родриго Грубиану!

Так и сделали, поскольку Сократ умел убеждать. Ослы Долли, Вилли и Улли были запряжены, папа и мама Дик кряхтя влезли на облучок, а довольный Сократ сидел на трубе, которая торчала над островерхой двускатной крышей. Он походил там, вверх, на яркое знамя.

– Н-но, поехали! – крикнул он наконец.

Но ничего не произошло. Ослы Долли, Вилли и Улли повесили головы, будто опять заснули. А папа и мама Дик? Было непонятно, сидят ли они вообще там, на облучке. Не умчались ли прочь, шурша плащами и шелестя юбками, только бы не пускаться навстречу рыцарю-разбойнику Родриго Грубиану? Сократ не мог этого знать, потому что с трубы ему не был виден облучок.

– Поехали! – крикнул он ещё раз. – Да боже ты мой! Трогай! Вы что, не слышите Сократа? Впереди вагончика лишь один из ослов дёрнул ухом, словно отгоняя назойливого слепня.

В Сократе медленно разгоралась красная попугайская ярость. Они поедут в Страхопущу! Как и почему, он только что подробно объяснил, и ни мама, ни папа Дик не нашли чем ему

возразить. Вместо этого они смотрели на него, выпучив глаза, и кивали, забывая дышать. Так почему же они не трогаются с места?

– Эфраим Эмануэль Дик! – проверещал Сократ на своей трубе. – Ты что там, оглох?

Как вы уже догадались, Дики никуда не сбежали. Они просто оцепенели от страха.

– Я слышу тебя, Сократ, – еле прошелестел он, и сочувственный ветер донёс его дрожащий голосок до Сократа. – Только я не знаю, такая ли это хорошая идея – ехать к рыцарю-разбойнику Родриго Грубиану в Страхопуцу. Может, мы лучше подождём ещё немного? Малыш ведь может в любой момент...

Одним ударом крыла Сократ отбил на ветер остаток фразы папы Дика. Этот остаток был так же предсказуем, как и его кукольные представления.

– Мы прождали уже три дня, Эфраим Эмануэль Дик! – крикнул он. – И с каждым часом, что мы здесь простаиваем, фора Малыша становится всё больше. Вы что, не хотите вернуть своего сына?

– Конечно, хотим! – крикнула мама Дик с облучка.

– Конечно, хотим! – повторил за ней папа Дик. – Но мы же не знаем, действительно ли он у рыцаря-разбойника. Какой же маленький мальчик по своей воле отправится к рыцарю-разбойнику?

– Малыш, чёрт побери! – каркнул Сократ на своей трубе. – Малыш отправится по своей воле к рыцарю-разбойнику! Вы что, не знаете собственного сына?

Внизу на облучке стало тихо. Ничего, кроме растерянности, ветер до Сократа не доносил. Ведь папа и мама Дик и впрямь не знали своего сына. Малыш и Дики просто были слишком разными людьми. Малыш ничего не боялся, а папа и мама Дик боялись всего. Малыш хотел, чтобы всё изменилось, а Дики хотели, чтобы всё оставалось по-прежнему.

– Н-но, трогай! – прохрипел Сократ, решив, что Дики уже достаточно обо всём подумали.

– Поехали, – пролепетали мама и папа Дик, поскольку они любили своего сына, хотя он и был совсем не таким, как они.

Кукольный театр папы Дика загромыхал по неровной дороге, а потом по бездорожью. Он подпрыгивал на всё более толстых корневищах, проезжая мимо всё более корявых деревьев, и, когда одно особенно сучковатое из них потянулось своей мрачной веткой к Сократу, даже разумной птице стало не по себе. Тысячи глаз смотрели на них из укрытий по мере того, как они углублялись в Страхопуцу, и тысячи капель отбивали свой знобящий такт, потому что после грозы, в которую исчез Малыш, Страхопуца всё ещё была в сырости. Тут и там Сократу чудилось чиханье подколодных гномов и кашель простуженных болотных друдов, но никто не чинил препятствий кукольному театру папы Дика. Даже большой медведь, которого Сократ увидел в чаще, пропустил их с миром. Едва заметив кукольный вагончик, он пугливо скрылся за гигантскими грибами.

Сократ командовал с трубы то «Влево!», то «Вправо!», когда лесные дорожки пересекались, что случалось довольно редко, и кукольный театр папы Дика приближался к скалам Лихогорья, пока им не открылся вид на вершину с пятью покосившимися башнями. Как вы уже знаете – но ни Сократ, ни Дики пока не знали, – обитаемой была всего одна из них.

Кукольный театр папы Дика со скрежетом остановился: то ли ослы не хотели ехать дальше, то ли Диков покинули последние капли мужества. Сократ бы это понял. Он проследил за восхождением крутой тропы, что огибала скалистые пики, ведя к воротам. До сих пор он видел крепость Гробург лишь издали. Вблизи чёрные стены и пустые глазницы окон выглядели в тысячу раз более зловещими.

И сюда-то, подумал Сократ, Малыш один-одинёшенек карабкался ночью во тьме, под ливнем и ревущим ветром? Неужто этот поворот истории мог быть правдоподобным? Но истории не обязаны быть правдоподобными. Немного подумав, Сократ припомнил много славных историй, совсем даже неправдоподобных. Зато они были с настроением и подъёмом, отчего

ему сразу подумалось, что именно такой мальчик, как Малыш, только и мог подняться по такой тропе, как эта, посреди бушующей бури. Только так, а не иначе могла быть записана история Малыша в старинной книге.

– Чего вы ждёте? – крикнул Сократ.

И кукольный театр папы Дика начал подъём в гору, и внутри вагончика закачались на нитках марионетки.

Теперь, когда Сократ смотрел налево, его взгляд падал в бездонную пропасть, куда кукольный вагончик мог сорваться в любой момент. А когда он смотрел направо, его взгляд падал на бесчисленные могилы. По краю дорожки стояли кресты, а поскольку дорожка была такая крутая, а повозка такая медленная, Сократ успевал прочитать на могилах все надписи.

«Тут погребён рыцарь Богумил Грозайц», – читал он.

«Здесь покоятся насилу собранные останки великана Унтама Менувеля», – читал он. И сразу после этого они громыхали мимо того небольшого, что осталось от банды из тринадцати неистовых берсерков, и мимо четырнадцатиглавого дракона. Двенадцать его голов, как значилось на могильной плите, Родриго Грубиан отсёк ему сразу после завтрака, а остальные две ещё до обеда.

Дики на облучке теперь уже стонали не смолкая, да и у Сократа на крыше стояли дыбом перья. Ему ещё не приходилось читать такие страшные истории, как на этих надгробных камнях. Ему и в самом деле казалось, что он не трясся на горной тропе, а перелистывал книгу. А не был ли этот Родриго, думал начитанный попугай, тоже начитанным рыцарем?

– Ох! Ах! Как страшно! Как жутко! – восклицали Дики, когда вагончик проезжал мимо шпалеры из человеческих костей.

Скелеты были прикованы к скале ржавыми цепями, а на черепах ещё уцелели шлемы. Дики на облучке даже отворачивались – таким устрашающим был этот вид. Сократ же, напротив, присматривался особенно внимательно. Он хотел бы обмануться, но эти скелеты на цепях казались ему похожими на марионеток. На каких-то особенных ниточках.

Когда кукольный театр папы Дика вкатился на подъёмный мост, попугай задумчиво приводил в порядок своё оперение. Впереди маячили могучие крепостные ворота. Разумеется, запертые. Зато доски подъёмного моста скрипели и трескали, будто в любой момент могли проломиться.

– И что теперь? – донесло до Сократа тоненький голосок папы Дика.

– Теперь ты должен постучаться, Эфраим Эмануэль Дик, – сказал попугай. – Я ведь плохо умею это делать. Хлопанья крыльев никто не услышит.

Папа Дик, пошатываясь на ватных ногах, пошёл по трухлявым доскам подъёмного моста, неловко перепрыгнул через дыру на месте отсутствующей доски и чуть было не упал в обморок, увидев на воротах колотушку в виде чёртовой рожи.

– Ну стучи же! – прохрипел Сократ на своей наблюдательной вышке. – Я допускаю, что нас тут ждут.

Папа Дик постучал так тихо, как только можно было постучать железным кольцом, и, когда этот стук призрачным эхом отдался во дворе крепости, он был ещё ближе к обмороку, чем прежде.

Никакого ответа не слышалось. Никто не вышел.

– Малыш? – крикнула с облучка мама Дик, но так тихо, что услышать её мог разве что Сократ на жестяной трубе.

«Неужто и Малышу пришлось стоять здесь и тщетно ждать, когда его впустят?» – задумался попугай. Как же история развивалась дальше и как она пойдёт теперь? Что мог делать перед запёртыми воротами Малыш, ему было неясно. Что делать ему самому, было, наоборот, очевидно. Раз уж у него есть крылья, он мог и воспользоваться ими.

– Ждите меня здесь! – крикнул Сократ Дикам и без особых усилий перелетел через ворота.

– Малыш! – звал Сократ, разглядывая сверху овощные грядки Родриго Грубиана во дворе крепости.

Попугай не верил своим глазам. В старинной книге историй ничего не говорилось о рыцаре-разбойнике, который выращивал бы в своей рыцарской крепости картошку.

– Малыш! – снова крикнул Сократ и, не получив ответа, приземлился среди бобов Родриго Грубиана. Его зоркий птичий взгляд скользил от одной башни к другой. Большинство из них выглядели обветшалыми, и только Южная башня казалась более-менее обжитой. – Благородный рыцарь! – попробовал Сократ по-другому. – Господин Грубиан из крепости Гробург на горе Лихогорье!

Ответа не последовало, зато попугай услышал какой-то стук в старой конюшне неподалёку от огорода. Сократ выпутался из бобовых побегов и вразвалочку направился к конюшне. Дверь туда, к счастью, была приоткрыта.

– Рыцарь Грубиан! – крикнул Сократ ещё раз.

Опять слышался стук и к нему ещё какой-то скрежет, как будто щипцами изгибали кусок жести.

Сократ, следуя на звук, вошёл в конюшню, где уже давно не стояли боевые кони. Вместо этого конюшня была переоборудована в мастерскую. На длинном столе громоздились бледные мёртвые черепа и скелеты, а рядом стояли небольшой чан с водой и початый мешок гипса.

Сократ взлетел на стол и вонзил свой острый клюв в ещё сырой, незатвердевший череп. Он был из гипса. Ни одна из костей на столе не была настоящей. А если ни одна из костей на столе не была настоящей, заключил Сократ, тогда и те черепа и скелеты вдоль скалистой тропы не были настоящими. А если черепа и скелеты на тропе не были настоящими, то и надписи на могильных плитах были вымышленными. А если надписи на могильных камнях были выдуманы, то рыцарь-разбойник Родриго Грубиан был, во-первых, хорошим сочинителем историй, а во-вторых, совсем не опасным.

Сократ поднял перепачканный в гипсе клюв. Его зоркий попугайский взгляд устремился теперь на большой, величественный шкаф.

– Не угодно ли вам будет выйти, рыцарь Грубиан? – проскрипел он, поскольку от него не ускользнуло, что лёгкий скрежет и стук исходили как раз из этого шкафа.

Там снова застучало, и лишь затем последовал ответ.

– Лучше нет, – слышался голос из шкафа. – Но если иначе нельзя...

Двери шкафа открылись, и внутри, среди всевозможных лопаток, ковшей и других инструментов, Сократ увидел сидящего Родриго Грубиана, с белыми от гипса руками и в наспех нахлобученном рыцарском шлеме.

– Кто ты такой? – спросил он с явным облегчением, что непрошенный посетитель – не меченосный рыцарь, а всего лишь яркопёрая птица.

Сократ ударил себя в грудь и представился:

– Моё имя Сократ, и я разыскиваю Малыша. Я предполагаю, что он нанимался к вам в качестве оруженосца. Могло такое быть?

От полной неожиданности Родриго Грубиан, который хотел было выйти из шкафа, с грохотом упал назад.

– Откуда ты знаешь? – спросил он, внезапно побледнев так, будто увидел привидение.

– Можно сказать, я прочитал об этом в одной старинной книге, – не без гордости объявил Сократ. – Но давайте оставим это. Ибо Малыш, к сожалению, не может оставаться вашим оруженосцем. Я прибыл сюда с его родителями. Они хотят получить его назад, и вы это, разумеется, понимаете.

– Ещё бы я не понимал! – воскликнул Родриго Грубиан, которому на сей раз удалось выбраться из шкафа, и он со страдальческой миной смотрел на Сократа с высоты своего почти двухметрового роста, чернобородый и обсыпанный гипсом. – Только Малыша здесь больше, к несчастью, нет.

– Простите? – Теперь была очередь Сократа удивляться.

Правда, сразу за удивлением последовало негодование. Он шёл по следам Малыша, летел за ним на крыльях своего разума до крепости Гробург лишь для того, чтобы узнать от этого перепачканного в гипсе картофельного огородника, что Малыш уже ушёл отсюда? Это было не по правилам! Такого поворота событий в книге историй не предусматривалось! Бесстрашный Малыш, нанявшийся к бесстрашному рыцарю-разбойнику, должен был, будьте любезны, оставаться при этом бесстрашном рыцаре! Но Сократ и сам уже заметил, что тут что-то не так. Если Малыш и впрямь был бесстрашным, то Родриго Грубиан оказался скорее боязливым. Вот он, только что выбравшись из своего укрытия в шкафу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.